

ИГОРЬ ЕВДОКИМОВ

ДОКТОР ФАЛЬК
ТАЙНА СЕРОГО МОНАХА

Игорь Евдокимов

Доктор Фальк.

Тайна серого монаха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69491236

SelfPub; 2023

Аннотация

Знакомьтесь: доктор Василий Оттович Фальк. Эстет, педант, скептик, совершеннейший зануда – и сыщик поневоле. В дачном поселке на побережье Финского залива, куда он переезжает летом из Петербурга, найдена мертвой пожилая вдова. За день до гибели она жаловалась Фальку, что по ночам в ее саду появляется серый монах – верный предвестник смерти. Но доктор быстро понимает, что дело не в мрачных приметах, а в самом настоящем убийстве. И чем дальше Василий Оттович пытается держаться от расследования, тем сильнее втягивается в поиски преступника, ведь быстро выясняется, что причины желать зла покойной были почти у каждого жителя дачного поселка.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	20
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	29
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	44
ГЛАВА ПЯТАЯ	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Игорь Евдокимов

Доктор Фальк.

Тайна серого монаха

IN
MEDIAS
RES

Настойчивый стук повторился.

– Нет, ну это просто надругательство какое-то! – проворчал доктор Василий Оттович Фальк, со щелчком захлопывая крышку карманных часов.

Он выбрался из-под одеяла. Тело била дрожь от утренней прохлады – какими бы теплыми ни были майские дни, ночами округа все же выстывала. В рассветный час холод проникал даже в ладный и хорошо отапливаемый дачный дом Фалька. Василий Оттович спрятал ноги в огромные мохнатые тапочки, накинул теплый халат поверх пижамы и, не обращая внимания на сущий ужас, творящийся с прической, отправился открывать переднюю дверь.

На крыльце, смущенно переминаясь с ноги на ногу, застыл местный урядник, Александр Петрович Сидоров. Увидев появившегося в дверях Фалька он обрадованно затараторил:

– Василий Оттович, простите, великодушно, но вам нужно пройти со мной.

– Кому-то плохо? – мрачно осведомился Фальк.

– Нет, я...

– Кто-то умирает?

– Нет, но...

– Тогда обратите внимание! – доктор вновь раскрыл свой «Брегет» и сунул его под нос служащему полиции. – Пять! Пять утра, Александр Петрович! Вот, смотрите: когда эта короткая стрелка – хорошо видите, не так ли? – когда эта короткая стрелка будет показывать десять часов, или того лучше – одиннадцать, приходите, буду вас ждать. А сейчас – прошу меня извинить!

Фальк захлопнул дверь и вознамерился вернуться в теплую постель, но настырный стук в дверь не дал ему сделать и шагу. С мрачной миной доктор вновь распахнул дверь.

– Василий Оттович, кто-то уже умер, – не дав ему разродиться очередной тирадой сказал урядник. – Нужна ваша помощь.

– Поверьте, если кто-то уже умер, то моя помощь ему не нужна, – проворчал доктор, но дверь все же не закрыл.

– Генеральша Шевалдина скончалась, – сказал Сидоров. – И обстоятельства смерти вызывают у меня некоторые вопросы. Нужно ваше заключение.

– Шевалдина? – пораженно переспросил Фальк. – Позвольте, она же вчера была у меня в гостях!

– Неужели? – заинтересовался урядник. – Жаловалась на здоровье?

– Не столько на здоровье, сколько на серого монаха...

– На кого?! – воскликнул Сидоров.

– Ох, Александр Петрович, заходите пока, – Фальк отстранился от двери, приглашая урядника в дом. – Я сейчас оденусь и пойдем. По дороге расскажу, что мне известно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Всякий обыватель, ищущий беспокойства, имеет право пристроиться на даче»

Из дореволюционного «Положения о дачах»

Как известно всем жителям столицы, как коренным, так и приехавшим в поисках лучшей доли, всяк уважающий себя петербуржец на лето должен переехать на дачу. И даже если дела заставляют тебя остаться в городе, как минимум семью на природу ты вывезти обязан! Еще в марте-апреле самые прозорливые дачники (из тех, что не имеют возможности содержать собственный дом) начинают подыскивать себе удобные варианты на лето. Страсть, сколько мелочей нужно учесть! Желательно бы у моря. И чтобы от Петербурга недалеко. И станция чугунки под боком. И цивилизованные развлечения обязаны быть (а то в глуши недолго с тоски околеть). И соседей бы попредставительнее – дочки на выданье сами себя не пристроят. В общем – сущий кошмар!

Дачная деревушка Зеленый луг, затерявшаяся на берегу Финского залива, в число наижеланнейших направлений не входила. По мнению отдыхающих, близость Петербурга неблагоприятно сказывалась на здешнем воздухе. Любителей цивилизации более привлекал знаменитый Сестрорецк.

Многие отправлялись в Великое Княжество Финляндское, в Терийоки, например (хотя и этот поселок, поговаривают, испортился за последние несколько лет) или дальше, за Выборг.

Таким образом, Зеленый луг вполне успешно избегал того дачного сумасшествия, что начиналось весной. Нет, гости, безусловно, прибывали, и в больших количествах, но вели себя на удивление чинно и прилично. Многие наезжали несколько лет подряд, а потому образовали уже особую, отпускную касту, вопреки неписанным правилам, гласившим, что всесословная дачная дружба, не признающая чинов и статусов, заканчивается по возвращению в Петербург. Идиллия, правда, объяснялась довольно легко – общество «зелененьких» изначально оказалось довольно монолитным. Сюда на лето выбирались профессора, врачи, адвокаты и чиновники не первого, но и никак не последнего разряда. А значит продолжать общение в осенне-зимние столичные деньки считалось неззорным.

Однако на дачу еще нужно добраться! И в этот воскресный майский день 1908 года задачка представлялась не из простых. Сотни людей самоотверженно штурмовали угловатое здание песочного цвета – Финляндский вокзал. Всеобщая толчея, гомон и накал страстей вызывали в памяти (не к ночи будь помянут) революционный 1905-й.

К самому несчастному и бесправному контингенту относились «дачные мужья» – страдалцы, перевозящие за город

свои семейства, а сами вынужденные возвращаться обратно в Петербург. Для них адские муки пригородных поездов стали еженедельными. Каждое воскресенье они ехали в столицу, снаряженные длинным списком заказов от жены, детей, часто – тещи и тестя, иногда – друзей и соседей. Каждую пятницу, согбенные под весом перевозимых вещей, словно раки-отшельники, несущие свои дома, эти жалкие существа вновь ввинчивались в привокзальную толчею и тщетно пытались найти свободное место в поезде для себя и своего скраба.

Не таков был Василий Оттович Фальк, из тех Фальков, что держали врачебную практику и аптеку на Владимирском острове. Облаченный в легкий светлый костюм щеголь лениво лавировал между дачными страстотерпцами, отягощенный одной-единственной легкой дорожной сумкой. Все необходимые для пригородного прозябания вещи были отправлены заранее на двух ломовых извозчиках под присмотром кухарки Клотильды Генриховны. К тому же жил Василий Оттович бобылем (хотя за использование подобного просторечия в его присутствии доктор одарил бы вас презрительным взглядом), женой и детьми не обзавелся, а значит и от семейных капризов был избавлен.

Неженатый статус уже довольно солидного 34-летнего господина не имел никакого отношения к внешности. Наоборот, дамы из окружающей толпы нет-нет, да провожали Василия Оттовича оценивающими взглядами. И кто бы

их осудил? Костюм на высоком и стройном докторе сидел изумительно, блестящие от бриллиантина волосы безукоризненно зачесаны на пробор, а правильную форму усов можно было использовать в качестве пособия по геометрии. Словом – Василий Оттович был чудо, как хорош!

Но стоило дамам познакомиться с доктором Фальком поближе, как им открывалась его страшная тайна! Ибо Василий Оттович, даже по меркам представителей своей профессии, людей, зачастую, желчных и циничных, слыл совершеннейшим занудой и педантом.

– Васенька, а поедемте на вечернюю прогулку? – предлагает ему очередная пассия. Но какая же тут вечерняя прогулка? Ровно в 20:00 необходимо поужинать. Ровно в 20:30 – встать из-за стола. С 21:00 до 22:00 выкурить сигару и выпить бокальчик коньяку в кабинете. В 22:30 – отойти ко сну, чтобы встать ровно в 6:30 утра. Все расписано буквально по минутам! А вы тут со своей вечерней прогулкой!

– Васенька, а давайте сходим на концерт? – зовет его новая воздушная девушка, пришедшая на смену позорно сбежавшей предыдущей. Конечно же, сходим, душа моя! Но не сегодня. Для концерта выделено время в воскресенье. И слушать будем орган. В кирхе.

Тут, правда, стоит встать на защиту Василия Оттовича – музыку он, безусловно, любил, особенно ценил оперу. Данный каприз следует считать попыткой аккуратно подвести излишне надоедливую молодую особу к самостоятельному

разрыву с доктором. Довольно успешной попыткой, стоит отметить. Словом – Василий Оттович знал о своей репутации, не стремился ее изменить, а временами даже откровенно ею пользовался.

К тому же строгий режим дня несколько сдвигался летом, когда доктор Фальк перебирался на дачу. Отпуском данное путешествие могло считаться лишь отчасти – по сути, Василий Оттович просто менял столичную практику на пригородную. Учитывая обитателей Зеленого луга, ни сословный состав пациентов, ни расценки самого врача сильно не менялись. Хотя, в порывах благотворительности, окрестных крестьян Фальк также принимал каждый второй и четвертый вторник.

В означенный день Василий Оттович отправился на Адмиралтейскую сторону, забрал из колониальной лавки давно заказанную коробку сигар, а затем погрузился на шустрый пароходик-«финляндец» и доплыл до Финляндского вокзала в самом что ни на есть благодушном и отпускном расположении духа. Весна стояла теплая, солнечные блики озорно играли на Невских волнах, а ветерок с залива безуспешно пытался растрепать тщательно зачесанные волосы. Удалось освободить из плена бриллиантина лишь одну прядь, которая лишь придала его образу очарования.

Утренний воскресный поезд также был выбран неслучайно. Желающих на него попасть было куда меньше, чем в пятницу, а основной поток людей он повезет уже обратно, с дач.

Поэтому Василий Оттович быстро нашел купе первого класса (в столицу он возвращаться ближайшие пару недель не планировал и позволил себе шикануть), где благополучно подремал практически до самого Зеленого луга.

Сойдя с подножки на длинную дощатую платформу, Фальк глубоко вдохнул загородный воздух, полный аромата прибрежных сосен, и довольно зажмурился. Наслаждение выдалось недолгим – вышедший следом неприятный господин средних лет грубо пихнул доктора в сторону и заспешил прочь, недовольно что-то бормоча себе под нос. Фальк проводил его испепеляющим взглядом, но почел ниже своего достоинства кричать что-то вслед.

Дебаркадер, как всегда, был оккупирован зеленолужским дамским обществом. Одни сударыни ждали мужей и кавалеров, другие – использовали платформу в качестве дефиле. Усердствовали в этом плане мамочки с дочерьми на выдавание. Они напоминали строгих гусынь, за которыми следовали их птенчики. Прелестницы не забывали стрелять глазками в сторону незанятых сударей. Пары взглядов, естественно, удостоился и Василий Оттович. Хотя, к огорчению мадемуазелей, привычный к женскому вниманию доктор не повел и бровью.

– Василий Оттович! – раздался за его спиной обрадованный визг, от которого Фалька перекосило, будто от зубной боли. Он хотел было ускорить шаг, но на его руке уже повис груз в лице Анжелики Ивановны Любимцевой. По ее румя-

ному лицу и кустодиевским формам сложно было поверить, что светловолосая дама считает себя сосредоточением всех возможных хворей.

– Ах, Василий Оттович, миленький, как хорошо, что вы приехали! – воскликнула Анжелика Ивановна. – Вы не поверите! Я здесь просто чахну. Чахну! Не спасает даже морской воздух!

– Возможно, он был бы более полезен, если бы вы дышали им на берегу, а не на станции в паровозном дыму? – осведомился доктор.

– Да, Василий Оттович, вы безусловно правы. Но я не могу, я жду супруга, – муж Анжелики Ивановны, средний руки чиновник министерства иностранных дел, в Зеленом луге появлялся редко и, похоже, был только счастлив сплавить жену за город.

– А разве он собирался приехать? – аккуратно осведомился Фальк.

– Нет, он работает все выходные, но почему это должно меня останавливать? – резонно возразила Любимцева. Действительно, нахождение на платформе было исключительно статусным женским занятием, а значит наличие уважительных причин для сего променада не требовалось.

– Что ж, не буду вам мешать, Анжелика Ивановна, – Василий Оттович галантно освободился от цепкой хватки Любимцевой. – Если солнечные ванны и чистый воздух не помогут – непременно обращайтесь, мы обязательно придума-

ем как поправить ваше пошатнувшееся здоровье.

– Непременно, Василий Оттович, непременно! – пообещала дама и вернулась к неторопливому хождению вдоль перрона под прикрытием кокетливой парасольки.

Жизнь перед станцией кипела. Вновь прибывшие дачники озирались, пытаясь вспомнить (или даже угадать) направление в сторону снятого дома. Извозчики наперебой предлагали собственные услуги. Если в соседней Финляндии представители данной профессии представляли собой чинных мужчин на солидных экипажах с обязательными бляхами и твердыми таксами, то здешний транспортный парк отличался редкостной эклектикой. Открытые коляски соседствовали с очаровательно экзотичными для столичного жителя телегами, присыпанными грязной соломой. Некоторые «ваньки» даже пытались предложить заезжим гостям собственные дачи, непременно с садом и террасой. Судьба доверчивых отдыхающих, купившихся на радужные обещания, была незавидной.

За столпотворением, усевшись на заботливо вынесенный стул, с ироничным прищуром наблюдал колоритный старик в старой, неоднократно латанной, шинели и армейской фуражке. Росту он был огромного, а окладистая седая борода солидно спускалась до самого живота, почти скрывая медаль за беспорочную службу на железной дороге. Вокруг мужчины расхаживали куры и петухи, которым он рассеяно подбрасывал зерна.

– Здравствуйте, Фома Михайлович, как здоровье? – вежливо поприветствовал старика Фальк.

– А, доктор! – обрадовался тот. – Здравствуйте, здравствуйте! Вашими заботами. Микстурка, что вы мне прописали, просто чудодейственная! Перезимовал в лучшем виде.

Фома Михайлович Аксенов трудился на станции Зеленый луг с самого ее открытия. Лишь возраст вынудил его передать работу сыну (у того уже подрастал собственный ребенок, следующий представитель железнодорожной династии). Но дело всей жизни Фома Михайлович не бросил. И в зной, и в дождь, и в мороз он обретался близ станции, наблюдая за жизнью столь милого сердцу железнодорожного мирка. Аксенов знал в лицо каждого старожила Зеленого луга так же, как расписания и модели поездов, проходивших через станцию. От взгляда его наблюдательных и чуть насмешливых бледных от старости глаз не укрывалось ничего. Неудивительно, что Фома Михайлович пользовался большим уважением среди постоянных гостей и обитателей Зеленого луга, а подчас выступал натуральной картотекой адресов и фамилий.

– Какими новостями поделитесь? – спросил Фальк.

– Да какие у нас новости? – махнул рукой Аксенов. – Все по-старому. Хотя нет, голова моя дырявая... Объявились тут, давеча, солидные господа. Столичные. И планов громадье. Поселились у Серебряного ручья, в старом доме барона фон Гарта. Собрались, значит, пансион там откры-

вать.

– Ого! – поддержал разговор Фальк. Пансион был для здешней местности в новинку. Помимо дач гостей в Зеленом луге привечали две гостиницы, «Бристоль» на станции и «Швейцария» поближе к морю. В первой Василий Оттович не рекомендовал бы останавливаться даже бедным студентом, а вот вторая была хороша – комфортабельная, с предупредительной обслугой и чудесным рестораном, к которому даже прилагался французский повар. Пансионы же слыли модными все в той же Финляндии, где набирали популярность. Открытие подобного в Зеленом луге грозило несколько встряхнуть устоявшийся сонный уклад деревни. Удивляло только выбранное место – загородный дом, принадлежавший умершему фон Гарту, стоял на удалении от моря и цивилизации, в мрачноватом уголке с речушкой, прозванной Серебряным ручьем.

От этих мыслей Фалька отвлек истошный и многоголосый собачий лай. Со стороны деревни к станции, усиленно крутя педали, мчался велосипедист. За ним неслась брехливая стая барбосов различной степени одомашненности. Один серый пес даже предпринял попытку в прыжке цапнуть мужчину за пятку, но получил по носу и временно выбыл из гонки. Велосипедист, одетый в крайне обтягивающий спортивный костюм, заложил вираж и покати́л в сторону магазинов. Стая азартно последовала за ним.

– Что это было? – спросил Василий Оттович, проводив

кавалькаду удивленным взглядом.

– Не узнали? – вместо ответа поинтересовался Аксенов. – Это ж инженер Платонов. Третий год снимает дачу у Карамышевых. Приехал две недели назад. Велосиклистом, значит, заделался.

– А собаки откуда? Отродясь же в центр деревни их не пускали.

– А собаки хозяйские, – хихикнул Фома Михайлович. – Он же, стервец, не просто катается, а в костюме своем срамном.

– Почему срамном? – не понял Фальк.

– Потому, что костюм срам скрывать должен, а этот не скрывает. Этот, значит, подчеркивает. Вот особо ретивые поборники целомудрия и объявили Платонову войну. То палками норовят огреть, когда мимо их дачи катит. То вот, как сейчас, собак спустят. Помяните мое слово, ежели за ум не возьмется – скоро вашим пациентом станет.

– О времена, о нравы, – констатировал Василий Оттович. – Ладно, Фома Михайлович, приятно было свидеться, пойду я.

– Будьте здоровы, доктор, – Аксенов козырнул и вернулся к созерцанию станционной суматохи.

Извозчика Фальк брать не стал – дорога до дачи занимала каких-то двадцать минут. Перекинув через плечо сумку, он направился вслед за велосипедистом и собаками вдоль магазинов, облепивших круглую Вокзальную площадь и од-

ноименную улицу. Помимо деревянного здания станции тут располагались булочная (в которой помимо хлеба и ароматнейшей выпечки предлагали летние лимонады), лавка портного, винная лавка, магазинчик колониальных товаров (где можно было найти приличный кофе, но сигары продавались ужасные) и аптека. Чуть дальше, на более тихом перекрестке, стояли уже упомянутый «Бристоль» и довольно сносный ресторан. В самом конце улицы располагалась погребальная контора Семена Белякова. Сам основатель давно уже воспользовался услугами собственного заведения, однако вырастил достойную смену. А учитывая, что дело свое он любил с откровенно нездоровым энтузиазмом, то и наследников обозвал соответственно – разодетые во все черное Харон Семенович и Аида Семеновна, завидев Фалька, вежливо (и до жути синхронно) поклонились. Василий Оттович ответил своим кивком. Отношения между ним и Беляковыми пребывали в стадии тихой и цивилизованной войны. Проще говоря, Харон Семенович и Аида Семеновна пребывали в уверенности, что своими усилиями доктор Фальк отбивает у них клиентов.

С главной дороги Василий Оттович свернул вбок. Эта аллея, петляя между сосен, вела в сторону моря. То тут, то там уже попадались дачи. Некоторые скромные – одноэтажные, без веранд и украшений. Другие, наоборот, хвастались архитектурными украшениями, искусной резьбой, громадными террасами или остроконечными башенками. Большин-

ство домов не разделялись заборами – это было просто не принято.

Обитатели дач занимались своими делами. Где-то дамы ухаживали за цветниками. Где-то дети сновали по гимнастическим снарядам или катались на качелях. Кто-то наслаждался полуденным чаепитием за длинным столом, накрытым белоснежной скатертью. Бывалые дачники Василия Оттовича узнавали, справлялись о делах или зазывали в гости. Доктор Фальк, со всегдашним тактом, вежливо приветствовал соседей, но от приглашений вежливо отказывался.

Его собственная дача располагалась крайне удачно. Да, не прямо на берегу залива, но это и хорошо – в ветренный день не так сильно задувает песком с дюн. Зато на участке течет ручеек, стоит белая ажурная беседка, а если подняться в комнату на изящной башенке (самое любимое место в доме), то можно с удовольствием пить чай или кофе, наслаждаясь ничем не закрытым видом на море. Можно было бы начинать отдыхать, если бы не одно «но». «Но» прохаживалось по террасе перед входной дверью и звалось Верой Павловной Шевалдиной.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Я имею несчастье быть медиком, и нет того индивидуя,

который не считал бы нужным «потолковать» со мной о медицине»

А. П. Чехов, 1883 год

Фальк недолюбливал Веру Павловну Шевалдину по нескольким причинам.

Во-первых, сам вид генеральши оскорблял его чувство прекрасного. На старости лет Вера Павловна настолько располнела, что размерами сравнялась с комодом, что достался Фалькам вместе с матушкиным приданным. А ради того, чтобы внести сей предмет мебели в квартиру на Васильевском острове, потребовалось срочным порядком заменить в ней все двери! Комод, тем временем, два дня красовался на улице под неусыпным оком городского (получившего, по такому случаю, почти половину своего месячного жалования). Но вернемся к описываемой особе!

Во-вторых, врачебные чувства Фалька Вера Павловна тоже оскорбляла. Поднявшись на крыльцо (всего две ступеньки), генеральша уже начинала пыхтеть, словно пригородный

паровоз, доставляющий дачников в Зеленый луг. От любых замечаний Василия Оттовича по части диет она отмахивалась, как от надоедливых мошек. Не действовала даже угроза реквизировать тело Веры Палны после смерти для наглядной демонстрации студентам пагубных последствий чревоугодия.

Третьей же причиной антипатии было то, что Шевалдина разносила сплетни. Овдовев лет семь назад, Вера Павловна направила всю свою энергию, ранее растрчиваемую на отравление жизни супруга, на вынюхивание грязного белья обитателей Зеленого луга. Иногда – буквально. Фальку казалось, что стоит ему прищуриться, как он увидит летящие вслед за генеральшей воздушные обрывки фраз, живописующие самые нелицеприятные истории из жизни дачников. В особенности Вера Павловна любила коллекционировать случаи супружеской неверности. Доцент Пряжский, например, узнав от генеральши о забавах своей супруги во время его отъезда, подал на развод. Жена доцента, несмотря на очевидную разницу в габаритах, попыталась атаковать Веру Павловну во время одного из моционов, но напоролась на ее внушительный бюст и была отброшена прочь. Заставшие сей конфуз острословы быстро нарекли инцидент «Битвой за Шевалдинский редут¹».

Надо ли объяснять, что появление Веры Павловны на по-

¹ Игра слов, отсылающая к Бородинскому сражению, где велись бои за Шевардинский редут.

роге дачи резко испортило дотоле приподнятое настроение Василия Оттовича? На минуту он даже малодушно задумался, а не пойти ли ему дальше в сторону моря, пока генеральша его не заметила. Однако Шевалдина славилась поистине бульдожьей хваткой и никогда не сдавала позиции, если ей что-то было нужно. С нее бы случилось дежурить на крыльце весь день, а скрываться на пляже до глубокой ночи в планы доктора Фалька не входило. Посему он тяжело вздохнул и принял бой с открытым забралом.

– Вера Павловна, что привело вас ко мне в столь чудесный день?

– Ах, Василий Оттович! – всплеснула могучими руками генеральша. – Осмотрите меня срочно! Чую, смерть моя не за горами!

– Вера Павловна, так часы же не приемные, – попробовал протестовать Фальк. – Я уверен в вашем добром здравии.

– А я нет! – отрезала Шевалдина. – Уже неделю, как не уверена.

– Эх, я же предупреждал, не налегать так на рябчиков и рябиновку... – посетовал Василий Оттович.

– При чем здесь рябчики?! При чем здесь рябиновка?! – патетично воскликнула генеральша. – Мне серый монах является!

– Какой монах? – медленно моргнув переспросил доктор Фальк.

– Серый! – не особо прояснила ситуацию Шевалдина.

– И откуда он является? – попробовал зайти с другого боку Василий Оттович.

– Не знаю, – стушеввалась Вера Павловна. – Вероятно, из Швеции!

Фальк очумело помотал головой, пытаясь понять, кто сходит с ума – он, Шевалдина или весь мир.

– Хорошо, Вера Павловна, давайте пройдем в дом и вы мне подробно все расскажете!

– Чаю? – проскрипел чей-то надтреснутый голос за спиной у генеральши.

– Господи Иисусе! – Фальк был готов поспорить, что Шевалдина почти подпрыгнула, но от землетрясения Зеленый луг спасла ее комплекция. Другими словами, Вера Павловна чисто физически не способна была подпрыгнуть. В отсутствие должной прыти генеральша просто перекрестилась.

– Да, будьте так любезны, Клотильда Генриховна, – попросил Василий Оттович.

Стоявшая в дверях сухонькая старушонка зловещего вида невозмутимо развернулась и скрылась в глубине дачи.

Клотильда Генриховна служила в семействе Фальков с незапамятных времен. Даже родитель доктора как-то обмолвился, что кухарка была вывезена предками из Саксонии и выглядела старой еще в его (Отто Карловича) детстве. Давний знакомец Фалька, вернувшийся из Египта, на полном серьезе утверждал, что видел там мумию, как две капли воды похожую на Клотильду Генриховну – если бы мумии носили

черные траурные платья с белыми кружевными воротниками, а подкрашенные синим остатки седых волос собирали в пучок на макушке. По мнению Василия Оттовича, глубокий ужас, который строгая кухарка вызывала у окружающих, с лихвой компенсировался ее восхитительными наливками и миниатюрными штруделями.

Явление Клотильды Генриховны еще больше уверило Фалька в том, что со здоровьем у Шевалдиной дело обстоит не так страшно, как генеральша пыталась представить, раз уж ее не хватил инфаркт от вида кухарки. Но он не привык оставлять врачебные дела на волю случая, а потому все же осмотрел Веру Павловну. Наблюдения его показали, что все угрожающие жизни и здоровью генеральши хвори по-прежнему на месте, однако же не прогрессировали по сравнению с прошлым годом. О чем Фальк и сообщил Шевалдиной.

– А как же монах? – грозно спросила Вера Павловна.

– Боюсь, что монахи, в данный момент, являются симптомом, не вполне изученным современной наукой, – задумчиво изрек Василий Оттович. – Будьте любезны, расскажите о нем поподробнее.

– Как, вы столько лет живете в Зеленем луге и не слышали про серого монаха? – изумилась Шевалдина.

– Читал про черного... – Василий Оттович скосил глаза на томики Чехова, выстроившиеся на книжной полке в углу кабинета. – А вот про серого, признаюсь, нет.

– Это дух! – заявила Вера Павловна. – Призрак! При-

чем, зловредный. Увидеть такого – верное предзнаменование смерти!

– А почему вы считаете, что он из Швеции?

– А откуда же еще ему быть? – пожала плечами генеральша. – В допетровские времена, при шведах то есть, здесь была ярмарка при монастыре, а в нем как раз жили монахи.

– Увольте, Вера Павловна, вы-то откуда это знаете? – поразился доктор Фальк.

– Василий Оттович! – оскорбленно поджала губы Шевалдина. – О том, что касается Зеленого луга, я знаю все!

– Хорошо, допустим, – примирительно поднял руки вверх Фальк. – А с чего тогда монах стал призраком?

– За счет ярмарки братья скопили баснословные богатства, – пояснила генеральша. – И однажды на них позарились приехавшие рыцари. Ночью они проникли в монастырь и попытались найти сокровища, но те как сквозь землю провалились. Тогда мерзавцы начали пытаться монахов. Те хранили молчание и приняли мученическую смерть, но не выдали своей тайны. А последним умер старый аббат. Вот он-то теперь и является людям.

– Понятненько, – протянул Василий Оттович, хотя на самом деле понятнее ситуация не стала. – И, говорите, теперь его видите вы?

– Да, – подтвердила Шевалдина. – По ночам. Он приходит ко мне под окна.

– И что делает?

– Ничего, – даже как-то расстроено ответила генеральша. – Просто стоит и смотрит.

Фальк утомленно вздохнул:

– Вера Павловна, думаю, призраки и предвестники смерти тут абсолютно ни при чем. У меня есть две абсолютно рациональных теории, объясняющие вашего монаха. Скажите, у вас в последнее время каких-то радикальных изменений в жизни не происходило?

– Ой, ну что вы! – к ужасу Василия Оттовича генеральша смущенно зарделась. – Нет-нет-нет, кому я нужна, в свои-то годы, ха-ха!

Поймав изумленный взгляд Фалька, Вера Павловна осеклась.

– Ну, то есть... Невестка вот с дочкой своей приехали. Жена брата моего покойного мужа, если быть совсем точной. А я, знаете ли, отвыкла уже от гостей.

– Допустим, – неуверенно согласился Василий Оттович. – Возможно, смена привычного вам ритма жизни вызвала повышенную нервическую активность. Ваш разум просто попытался воплотить это волнение в некий знакомый образ. Видимо, вы недавно вспоминали про этого несчастного монаха. Вот он и привиделся вам вместо какой-нибудь, скажем, безобидной елочкой под окнами. Ночью-то у страха глаза велики.

– Другими словами, вы считаете меня истеричкой, – грозно констатировала Шевалдина, явив недюжинную проница-

тельность. – Спасибо, доктор, я обязательно это запомню. И какая же ваша вторая теория?

– Кхм... – пришлось смущенно откашляться Фальку. – Вторая теория подразумевает, что монах действительно был, но при этом был не монахом.

– Это каким же образом, позвольте спросить?

– Просто кто-то, кроме вас, хорошо знает историю поселка, и решил таким образом вас разыграть, – объяснил доктор. – Оделся в серую хламиду, подкрался к вашему дому и стал дожидаться под окнами.

– И зачем же это кому-то могло понадобиться? – осведомилась Шевалдина.

– Ну, иногда сложно угадать причины человеческого поведения, – уклончиво ответил Фальк. Нельзя же объяснить генеральше, что из-за ее неумного стремления совать нос в чужие дела половина обитателей Зеленого луга только порадует, если Веру Павловну хватит инфаркт, а вторая половина готова этому активно поспособствовать.

– Да, не такого ответа я от вас ожидала, Василий Оттович! – мрачно заявила Шевалдина. – Всегда считала вас, немцев, людьми надежными и серьезными! Как ваш язык! Но, видимо, и среди вас *es gibt zu viele Idioten, es gibt nicht viele Leute*².

– Простите великодушно, но мое заключение не зависит от вашего знания Гёте, и оно таково: хотя вы регулярно на-

² Идиотов слишком много, людей мало (нем.)

рушаете мои врачебные рекомендации и не следите за собственным здоровьем, я не вижу признаков того, что оно каким-либо образом ухудшилось. Могу лишь еще раз посоветовать вам диету и ряд физкультурных упражнений. Или, если желаете, прописать легкое успокоительное.

— Благодарю вас, доктор, — процедила генеральша и встала из кресла, которое обрадованно скрипнуло, лишившись тяжкой ноши. — Пожалуй, успокоительное мне ни к чему. Не буду больше отнимать ваше драгоценное время.

Василий Оттович все равно счел нужным проводить Шевалдину до дверей. Он даже не пытался представить, какие слухи пойдут о нем среди обитателей Зеленого луга стараниями обиженной Веры Павловны. С другой стороны, его ближайший круг общения ни за что бы не поверил изощренной фантазии генеральши, да и скелетов в шкафах Фальк старался не хранить — спасала природная прямолинейность. А значит в данном конфликте он мог быть уверен в своих силах.

Посмотрев на часы, он с радостью понял, что пришло время обеда. Другими словами — дачная жизнь начала входить в привычную и милую сердцу праздность. Сейчас Клотильда Генриховна накроет на стол. Он отобедает. Потом прогуляется к морю. Почитает книгу в любимом кресле-качалке на террасе. После ужина выкурит сигару и полюбуется закатом над морем из окна в башенке. И никакие Веры Павловны первый день его отдыха не испортят, вот уж нет!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«При впрыскивании одного шприца двухпроцентного раствора

почти мгновенно наступает состояние спокойствия, тотчас переходящее в восторг и блаженство.

И это продолжается только одну, две минуты.

И потом все исчезает бесследно, как не было.

Наступает боль, ужас, тьма.»

Михаил Булгаков, 1926 год

Сокращенную версию данных событий Василий Оттович и поведал уряднику Сидорову по дороге к даче Шевалдиной. Полицейский чин не мог не обратить внимания, что доктор за какие-то пару минут сменил халат и пижаму на соответствующий погоде и обстоятельствам теплый твидовый костюм, и даже умудрился расчесать растрепанные волосы. На его фоне Сидоров выглядел неавантажнo – и возрастом старше, и ростом выше, и на лицо чухонь бледноглазая, и острые уши заметно оттопыриваются, и усы подкручены менее эстетично. Однако жители поселка Александра Петровича любили. Диво ли – честный, справедливый и непьющий урядник, службу несущий не за страх (или жалование), а за совесть. Да и подвиг умудрился совершить совсем недавно... Но об этом как-нибудь в другой раз. Короче – Сидоров являлся един-

ственным представителем власти на многие версты вокруг (уездный исправник и становой пристав в поселок носа не казали, а старенький уже станционный жандарм не в счет), и дачников сия кандидатура полностью устраивала.

Зеленый луг с утра спал. Ночью прошел ливень, но Фальк спал настолько крепко, что даже грохот капель по кровле его не разбудил. После дождя гравиевые и грунтовые дороги основательно размокли, а на обочинах так вообще собрались внушительные грязные лужи. Из-за перепада от ночного холода к наступающему дневному теплу на сосновый лес, в котором стояла деревня, опустился легкий сырой туман. Сквозь него живописно пробивались лучики рассветного солнца. На деревьях начинали радостно щебетать проснувшиеся птицы. Свежее утро обещало перерасти в замечательный весенний день. Если бы не скорбное дело, по которому Фальк и Сидоров сейчас спешили.

Среди обитателей деревни обыкновенно хватало любителей встать пораньше, но по пути им не попалось ни одной живой души. Видимо, зябкий холодок и последствия дождя отбили желание у рыболовов и спортсменов выходить из дома ни свет, ни заря. Для окрестных крестьян, развозивших по дачникам молоко, мясо, ягоды и прочую снедь тоже было рано. Вернее, они, безусловно, уже проснулись, но обход отдыхающих начнут позднее, когда перебравшиеся в лоно природы горожане гарантированно встанут и выберутся на улицу.

– А кто обнаружил тело? – поинтересовался у Сидорова Фальк, в основном – чтобы разогнать тягостное молчание.

– Генеральша Шевалдина, – ответил урядник.

Василий Оттович встал, как вкопанный. Кажется, безумие предыдущего дня с его шведскими монахами и не думало заканчиваться. Он недоверчиво покосился на Александра Петровича.

– Вы сейчас шутите, да? Как генеральша Шевалдина могла обнаружить найти собственное тело?

– Почему «собственное»? – не понял его урядник. – Нет, она нашла тело Веры Павловны.

– Кто «она»?! – раздраженно воскликнул Фальк.

– Ираида Дмитриевна, генеральша Шевалдина! – Сидоров тоже смотрел на него, как на нерадивого ученика, который не знает очевидных вещей.

– Но ведь Вера Павловна – генеральша Шевалдина, – протестуя топнул ногой Василий Оттович.

– А, вот вы о чем! – рассмеялся урядник. – Ну, формально они обе генеральши Шевалдины. Они вышли замуж за братьев, Вера – за Аркадия Шевалдина, а Ираида – за Бориса Шевалдина. Оба пошли по военному делу, оба дослужились до генеральских званий. Только Аркадий – от артиллерии, а Борис – от пехоты. Семьи не то, чтобы дружили, но после смерти братьев Вера Павловна и Ираида Дмитриевна несколько сблизились. В основном «наша» Шевалдина навещала невестку в Сестрорецке, но в этот раз Ираида Дмитри-

евна с дочкой приехали провести ее в Зеленый луг. Живут на даче с конца апреля.

– Что ж, одной тайной меньше, – успокоился Фальк. – Только не понимаю, отчего они послали сразу за полицией, а не за врачом.

– Позвольте пока не отвечать на этот вопрос, – ушел от ответа Сидоров. – Мне бы хотелось получить ваше собственное заключение. Не замутненное, так сказать, моими подозрениями.

– Секретничаете, Александр Петрович? Что ж, будь по-вашему.

Тем временем мужчины достигли дачи Шевалдиных. Дом был просторным, но по-военному простым, без лишних архитектурных изыска. Центральная часть встречала гостей верандой и большим окном на втором этаже под двускатной жестяной крышей. Справа и слева к ней были пристроены крылья, тоже двухэтажные, по четыре окна каждое. Особого сада при доме не имелось, лишь цветник за левым крылом – краса и гордость Веры Павловны.

Александр Петрович поднялся на веранду и осторожно постучал в дверь. Открыла ему пожилая женщина, очевидно – Ираида Дмитриевна. Она являла собой поразительный, даже комичный контраст с покойной Верой Павловной. Высокая; тонкая, что спица; с застывшей на лице недовольной гримасой. Эдакая старая дева, строгая воспитательница пансиона для благородных девиц.

– Еще раз здравствуйте, Ираида Юрьевна, – поприветствовал ее Сидоров. – Это Василий Оттович Фальк, первостатейный врач, из столицы. Я пригласил его для осмотра покойной. Позвольте войти?

Шевалдина кинула на доктора подозрительный взгляд, но отстранилась и разрешила мужчинам войти. Фальк поздоровался с ней приличествующим ситуации вежливым полупоклоном.

– Вы оставили все в неприкосновенности, как я и просил? – задал ей вопрос урядник.

– Конечно, – с достоинством ответила Ираида Дмитриевна. – Поверьте, ни я, ни Лидочка не собираемся входить в ее комнату, пока тело Веры Павловны там.

– Спасибо, – кивнул Сидоров. – Тогда попрошу нас не беспокоить. Идемте, Василий Оттович.

Как и ожидалось, Вера Павловна жила на первом этаже – с ее комплекцией подъем наверх был сродни подвигу. Очевидно, Шевалдина разместила там своих гостей. По крайней мере, проходя мимо лестницы Фальк увидел мелькнувшую на площадке второго этажа тоненькую девичью тень.

Покои Веры Павловны занимали весь первый этаж левого крыла. Спальня располагалась в угловой комнате, выходящей окнами на цветник. Шевалдина лежала на полу, словно огромный кит, выброшенный на берег. Смерть настигла ее у открытого окна – когда мужчины вошли, занавески колыхнулись от налетевшего сквозняка. Рядом с телом Веры Пав-

ловны лежал перевернутый столик-бюро, его содержимое – жемчуга, серьги, прочие мелкие безделушки и осколки разбитого зеркала – разлетелось по паркету, отчего ступать приходилось аккуратно.

– Мне нужно ваше заключение, доктор, – попросил Сидоров, закрыв за ними дверь и остановившись, будто на страже.

– Надеюсь, вы понимаете, что я смогу дать лишь очень приблизительную картину, – ворчливо отозвался Фальк. – Я, все-таки, не судебный медик. Да и условия не идеальные.

– Понимаю, Василий Оттович, но из всех здешних эскулапов, уж простите, вашему мнению я доверяю больше всего.

– Прощаю, – согласился Фальк. Грех тщеславия, чего уж таить, ему был не чужд. Он опустился на пол перед телом Веры Павловны и начал осмотр, вслух комментируя свои манипуляции.

– Итак, для того, чтобы исключить все сомнения – Шевалдина действительно мертва. Дыхания нет. Пульс не прощупывается. Приблизительное время смерти – не более четырех часов назад, так как отсутствует *rigor mortis*. Судя по тому, что домочадцы послали за полицией, а вы уже вызвали меня, то подозреваются насильственные причины. Что ж, тело лежит на спине, на видимой поверхности ран не обнаружено – ни колотых, ни огнестрельных. Переворачивать покойную пока не будем, но вокруг нет луж крови также не заметно, поэтому предварительно можно заключить, что на спине открытых ранений нет. Синяков не вижу.

На шее странгуляционных борозд не заметно. Характерных следов, свойственных удушению голыми руками, не обнаружено. Хотя лопнувшие сосуды в глазах указывают, возможно, на недостаток воздуха. Травм височной и теменной кости нет. На затылке прощупывается некое повреждение, возможно – от удара об пол при падении.

Василий Оттович отстранился от покойной.

– Интересную задачку подкинули, Александр Петрович. Требую подсказок – при каких обстоятельствах все-таки обнаружили покойную? Что предшествовало ее смерти?

Урядник извлек из портфеля блокнот (согласно уставу солидно именовавшийся «памятной книжкой») и отрапортовал:

– Шевалдина пришла домой около двух часов дня. Вероятно, сразу после визита к вам. Домочадцы утверждают, что она находилась в довольно подавленном настроении. К обеду не вышла – прислуга относил еду в спальню. Вечером присоединилась к Ираиде Дмитриевне и ее дочери за чаем. Кляла докторов-бездельников (камень в ваш огород, полагаю) и жаловалась на слабость. Удалилась к себе около девяти часов вечера. Примерно в три часа ночи Ираиду Дмитриевну, которая живет в комнате прямо над покойной, разбудил крик. Слов она не разобрала, но поняла, что кричала Вера Павловна. Затем раздалось два тяжелых удара – непосредственно друг за другом – и звон бьющегося стекла. Ираида Дмитриевна с дочерью спустились вниз и попытались достучаться

до Шевалдиной, однако ответа не последовало. Дверь была заперта изнутри. Дочь Ираиды Дмитриевны утверждает, что слышала звуки, которые, как ей кажется, могли свидетельствовать о предсмертных конвульсиях. Послали за прислугой, нашли запасной ключ, отперли... Открывшуюся картину вы лицезрете.

Из-за двери раздалось деликатное дамское покашливание. Фальк и Сидоров удивленно переглянулись. Урядник пожал плечами и открыл дверь в комнату. За ней стояла юная девушка двадцати с небольшим лет с непослушной копной огненно-рыжих волос. На кончик носа сползли круглые очки, отчего незнакомка имела вид нерадивой воспитанницы пансиона – видимо, того же, где могла работать Ираида Дмитриевна. Про себя Фальк отметил, что несмотря на растрепанные волосы и бесформенный халат выглядела девушка весьма очаровательно.

– Господа, прошу меня извинить, – начала гостя. – Вы только не подумайте, что я подслушивала за дверью...

– Что вы, как мы можем такое подумать? – иронично вскинул бровь Фальк. Сидоров только фыркнул от этой ремарки.

– Ой, простите... – девушка немного стушевалась, но быстро пришла в себя. – Меня зовут Лидия Николаевна Шевалдина. Вера Павловна приходилась мне тетушкой. Понимаете, я обычно не сплю допоздна. Читаю...

– Вербицкую³, разумеется? – вставил Василий Оттович.

³ Популярная на рубеже веков писательница-эмансипе, автор бульварных ро-

– Мари Кюри, если вам необходимо знать, – кинула на него обжигающий взгляд Лидия. – Но это не важно. Важно то, что я не спала, когда тетушка закричала. Маман только проснулась, поэтому и говорит, что слов было не разобрать. Но я готова поклясться, что Вера Павловна кричала: «Ты!».

– Вы в этом абсолютно уверены, сударыня? – спросил Сидоров.

– Абсолютно, – в подтверждение своих слов Лидия энергично кивнула, отчего очки чуть не слетели с ее носика.

Сидоров и Фальк снова переглянулись. Если младшая Шевалдина не ошибалась, то версия насильственной смерти становилась все более вероятной. Василий Оттович вновь повернулся к телу и осмотрел комнату.

– Хм... – он снова начал размышлять вслух. – Я не вижу на теле следов борьбы. Непохоже, чтобы Вера Павловна сопротивлялась. Два удара, о которых говорила Ираида Дмитриевна, вероятно означают, что сначала упала сама Шевалдина, а затем – бюро, которое она увлекла вслед за собой.

– Скажите, а окно точно было открыто, когда вы вошли? – обратился к Лидии урядник.

– Да, мы ничего не трогали, – утвердительно заявила девушка. Она старалась не смотреть на тело, но при этом не торопилась выходить из комнаты.

– Сударыня, вы не знаете, обычно Вера Павловна оставляла окно открытым на ночь? – спросил Фальк.

– Не могу сказать, – помотала головой Лидия. – С одной стороны, тетушка постоянно жаловалась на духоту. С другой – до смерти боялась сквозняков. К тому же ночью был ливень и сильно похолодало. И еще эта история с монахом...

– Вам она тоже о нем рассказывала?

– Да, конечно! Она рассказывала эту историю всем, кто был готов ее выслушать... Если быть откровенной, то тем, кто был не готов – тоже рассказывала.

– А вы сами сей фантом лицезрели? – поинтересовался Фальк.

– Нет. Но мои окна выходят на другую сторону дома. Мама могла бы, но она спит довольно крепко. Не представляю ее выглядывающей ночью в окно.

Тем временем Александр Петрович аккуратно обошел лежащее тело и осмотрел распахнутое окно. Затем урядник высунулся наружу и осмотрел землю перед домом.

– Следов вскрытия нет, – сообщил он. – Под окном следы калош. Кто-то навестил Веру Павловну прошлой ночью. Но вот, что странно – на подоконнике нет следов грязи...

– Видимо, визитер оставил калоши на улице, если вообще проникал в дом, – кивнул Василий Оттович. – Правильно ли я понимаю, что раз следов взлома нет, то Вера Павловна сама открыла ему окно?

Сидоров лишь пожал плечами.

– Полуночный визитер? У тетушки? – недоверчиво спросила Лидия.

– Мне тоже сложно в этом поверить, но случались вещи и постраннее, – задумчиво произнес Фальк. Он вспомнил странную реакцию Веры Павловны на вопрос о произошедших изменениях в жизни.

– Василий Оттович, если злоумышленник все-таки проник в комнату и – простите, барышня – убил Шевалдину, то как же он это сделал? – обратился к доктору Сидоров.

– Ума не приложу, – признался Василий Оттович. – Хотя...

Осененный внезапной идеей, он вновь подошел к телу и возобновил осмотр.

– Ага! – торжествуяще вскричал Фальк, но быстро померчал.

– Что там? Что вы нашли? – спросил урядник. И он, и Лидия с интересом вытянули шеи, пытаясь понять, что привлекло внимание доктора.

– Вот здесь, на шее, – аккуратно, не касаясь тела, показал пальцем Василий Оттович. – Не берусь утверждать наверняка, но почти уверен, что это след от укола.

– Укола? – удивленно переспросил Сидоров.

– Да, – кивнул Фальк. – Мне пришла в голову одна гипотеза, когда я вспомнил про признаки недостатка воздуха. Чтобы подтвердить мои предположения вам потребуется опытный судебный медик и лабораторные условия. Но, думаю, он согласится, что Веру Павловну, вероятно, убили большой дозой морфия.

– Морфия?! – воскликнула Лидия и тут же прижала ладони ко рту.

– Да, или иное сильнодействующее средство. Их передозировка бывает смертельно опасна и способна убить в кратчайшие сроки. Большие количества морфия вызывают паралич дыхания и смерть головного мозга.

– Вы уверены? – уточнил Александр Петрович.

– Повторюсь, это лишь гипотеза, ее необходимо будет подтвердить, – ответил Фальк. – Но, боюсь, я уже видел такое...

– Где?

– Под Мукденом, например⁴, – тихо пробормотал Василий Оттович. В комнате повисла гнетущая тишина. Воспоминания о жутких событиях Русско-Японской войны были все еще свежи у всех присутствующих.

– Я видел последствия передозировки, – наконец счел нужным пояснить Фальк. – Иногда, случайной – когда не рассчитали правильную дозу для раненого. Иногда им пользовались желающие уйти из жизни. Считали этот способ безболезненным. Мол, он подарит им быструю смерть в объятиях эйфории... Простите...

Василий Оттович сбился и замолчал, но быстро взял себя в руки.

– Это лишь предположение. Убедитесь, что его проверят,

⁴ Мукденское сражение, оно же «Мукденская мясорубка» – битва, состоявшаяся в феврале 1905, в результате которой русская и японская армии понесли катастрофические потери убитыми и ранеными.

Александр Петрович.

– Конечно, – согласился урядник. – Как думаете, морфий изначально принадлежал Вере Павловне?

– Уверен, что нет, – ответил Фальк. – Я вчера осматривал ее и обратил бы внимание на следы уколов. Да и ни один здравомыслящий врач не выписал бы ей такой препарат. Уж я-то точно.

– Хорошо. Василий Оттович, можно будет попросить вас изложить ваши умозаключения на бумаге, для судебного следователя и медика, что будет проводить вскрытие?

– Разумеется. Если моя помощь больше не требуется, то я, пожалуй, откланяюсь. Загляните ко мне через пару часиков, мой отчет будет готов.

– Премного благодарен, – протянул ему ладонь Сидоров.

– Не стоит, – ответил на его рукопожатие Фальк и повернулся к Лидии. – Сударыня, примите мои искренние соболезнования. Если вам или вашей матушке понадобится врачебная консультация или успокоительное – обращайтесь.

Девушка ответила ему благодарной улыбкой и отстранилась позволяя пройти.

Спустившись с крыльца, Фальк прошел с десятков метров и остановился. Он оглянулся, разглядывая окна комнаты, где умерла Вера Павловна. Судя по их расположению, а также по еще не зацветшему в полную силу палисаднику, именно здесь, рядом с дорогой, должен был стоять беспокоивший ее серый монах. Внутри Василия Оттовича вели яростный бой

любопытство и стремление как можно быстрее оставить историю с таинственным убийством позади.

Победило любопытство.

Фальк подошел к елям, разросшимся на границе участка Шевалдиных, и осмотрелся. Как он и ожидал, в тени под хвойными ветвями обнаружились отпечатки калош, застывшие в грязи, оставшейся после ночного дождя. Что его удивило, так это след узких колес, пролегающий чуть в стороне от места, где генеральша видела серого монаха.

– Василий Оттович! – окрикнули его. Доктор обернулся и увидел, как Сидоров спускается с дачного крыльца. Урядник подошел к Фальку и спросил: – Гляжу, вам тоже не дает покоя эта история?

– Можно и так сказать, – ответил Василий Оттович и указал на следы: – Обратите внимание.

– Ну и ну, – протянул Александр Петрович. – У меня тоже кое-что есть для вас. Не хотел показывать при барышне. Не похоже, конечно, что она дюже впечатлительная, но все же...

Он достал что-то из кармана и продемонстрировал Фальку. На вытянутой ладони лежал обрывок грубой серой ткани.

– Что скажете?

– Скажу, что привидения не ходят в калошах, не оставляют на местах явлений отпечатки ног и обрывки своих погребальных саванов, и уж точно не нуждаются в морфии для того, чтобы убить своих жертв, – пожалуй, излишне резко ответил Фальк. – Как и обещал, положу свое мнение на бумагу.

Через пару часов сможете забрать. Честь имею.

Из дома Шевалдиных Василий Оттович возвращался в крайне мрачном расположении духа. Следы морфия вызвали в нем воспоминания, которые он хотел бы забыть навсегда. Прошло меньше трех лет с того момента, как он вернулся с войны. Каждый день он старался вытравить из памяти крики раненных, кровь, смерть, вшей, разрывы снарядов и гортанные вопли наступающих японцев. И вот теперь они нашли его в самый непредсказуемый момент – в Зеленом луге, который Фальк всегда считал оазисом тишины и спокойствия.

Но если Василий Оттович и верил во что-то, так это в самодисциплину. А значит его дело – написать заключение для Сидорова и выкинуть этот случай из головы. Чем он сейчас же и займется. Дальше размеренный темп дачной жизни, свежий воздух, солнечные ванны и ненавязчивые развлечения гарантированно успокоят нервы и затянут старые душевные раны. По крайней мере, доктор Фальк очень на это надеялся.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Здесь тихо... Море дремлет плоско...

Песок на пляже тверд и бел...

Вдали купальная повозка

И пена розоватых тел»

М. А. Кузмин, 1923 год

Еще каких-то пару лет назад посещение пляжа в Зеленом луге подчинялось неукоснительно строгому расписанию. Мужчины имели право купаться в море до 10 часов утра. После этого пляж передавался в распоряжение женщин и детей. За исполнением заведенного порядка следили служители, нанятые зеленолужским обществом благоустройства. Ведя счет времени по безукоризненно точным часам, они уведомляли отдыхающих о смене власти сменой флагов, висевших вдоль побережья, и раздражающим писком свистков. Но современные веяния добрались и сюда. В прошлый летний сезон партия молодых прогрессистов взяла верх на очередном заседании благоустроителей и постановила разделить пляж на две равных половины. Левая отдавалась мужчинам, правая – женщинам. Дети, в силу невинности и неосознанности, имели право свободно перемещаться между двумя царствами.

Наблюдая за отдыхающими, апологеты модной науки об

устроении общества могли бы прийти к ряду любопытных умозаключений. Вот например: наиболее консервативное старшее поколение, что характерно – обоих полов, старалось держаться в крайне правой и крайне левой частях пляжа соответственно. В то время, как юные, свободные, любвеобильные и не отягощенные присутствием строгих родителей дачники предпочитали плескаться в непосредственной близости от разделяющей линии. Впрочем, плавание их интересовало куда меньше, чем наблюдение за противоположным полом и легкий флирт.

Василий Оттович, как и всегда, демонстрировал выдержанный нейтралитет. Он не прибегал к юным вольнодумцам, но и не пополнял стан суровых пуритан. Поэтому выходящий из моря в черном купальном костюме доктор Фальк был достаточно далек от разделительной линии, чтобы поймать на своей фигуре Аполлона завистливые или вождедеющие взгляды молодого поколения, но при этом не шокировал своим видом костную часть пожилых дачников.

Он неторопливо прошелся до края песчаных дюн, где проходили деревянные мостки первого из двух приморских променадов. Второй, более благоустроенный, с гравиевыми дорожками и фонарями располагался чуть дальше, на границе леса. Перед мостками для удобства отдыхающих выставили плетеные курортные кресла. Формой они напоминали яйцо – их стенки были призваны укрыть дачников от ветров и приносимого ими песка. Фальк омыл ноги под струей воды из

изящной чугунной колонки, вытерся полотенцем и устроился в одном из кресел, с наслаждением затянувшись сигарой. Пляж в Зеленом луге доктор любил, ибо был он воплощением порядка и комфорта. Посреди дюн разместился первый ряд купален – деревянных кабинок, где дачники могли переодеться. Общество благоустройства позаботилось и об этом. Все купальни были выдержаны в едином стиле, а также красились и ремонтировались перед сезоном. Это давало разительный контраст с соседними дачными местами, где кабинки, зачастую, сбивались из гнилых дверей и ненужных досок. Вторая линия купален, на колесах, каждое утро выкатывалась на лошадях в море, и каждый вечер вывозилась обратно на берег.

– Все же странные времена настали, Василий Оттович, – задумчиво заметил расположившийся по соседству отставной товарищ прокурора Неверов, пожилой мужчина с бакенбардами, которые придавали ему сходства со спокойным сонным мастифом.

– Это вы о чем, Павел Сергеевич?

– Да хоть вот об этом, – Неверов обвел рукой панораму песчаного пляжа. – Мужчины и женщины, разной степени неглиже (вас это, кстати, тоже не миновало, Василий Оттович), плещутся в речке бок о бок, словно какие-то дикари, право слово. В моей молодости сложно было себе такое представить. Мы с дамами в общественных местах просто не пересекались! На балу, разве что.

– Отчего, поневоле, задашься вопросом – как вы вообще женились в таком случае? – иронично уточнил Фальк.

– Я сам себе его иногда задаю, – протянул Неверов, бегло кинув взгляд в сторону правой стороны пляжа, где должна была отдыхать его грозная супруга. – Но это ведь лишь одно из следствий падения нравов. Как и убийство Веры Павловны, осмелюсь заметить.

Василий Оттович покосился на отставного товарища прокурора. Видно было, что весь разговор о нравах был заведен исключительно с целью того, чтобы перевести его на Шевалдину.

– А с чего вы вообще взяли, что это убийство? – спросил Фальк, сохраняя безразличный вид.

– Василий Оттович, не нужно играть со мной в игры, – усмехнулся Неверов. – Судебный следователь из Петербурга, которому было поручено это дело, делал свои первые шаги на сем поприще еще в годы моей активной практики. Юноша правильный, почтительный, не забыл старика – заглянул перед отъездом и пригласил на чашку кофе в курзал. Очень уважительно, кстати, отозвался о вашем первоначальном заключении.

Свой отчет Фальк, как и обещал, закончил за два часа. Урядник Сидоров, также верный своему слову, зашел за ним по истечении оговоренного срока. Василия Оттовича он застал на террасе чашечкой кофе и аккуратной стопкой листов, исписанных каллиграфическим почерком.

– Благодарю! – Сидоров принял документ и с почтительной аккуратностью упаковал его в портфель. – Новых гипотез не появилось?

– Нет, Александр Петрович, – ответил Фальк. – Думаю, свою задачу я выполнил. И, если откровенно, то не хотел бы иметь с этим делом ничего общего. Я все же приехал сюда на отдых.

– Да-да, конечно, простите, – закивал урядник.

– Чаю? – поинтересовалась Клотильда Генриховна, бесшумным призраком возникшая за спиной у Сидорова.

– Святые угодники! – выдохнул Александр Петрович, испуганно озираясь.

Сидоров, вообще-то, в трусости замечен не был. Более того, в Зеленом луге он по праву имел репутацию отчаянно-го храбреца. Когда в разгар революции одну из дач приспособили под конспиративную квартиру боевики-эсеры (сказывалась близость к Белоострову и финской границе) именно Александр Петрович вышел на их след. В условиях постоянных бунтов и тревог рассчитывать на скорую подмогу он не мог, поэтому сам спланировал и реализовал дерзкую и смелую операцию по задержанию трех матерых и вооруженных злодеев. Он дождался ночи, улучил момент, когда один из боевиков отлучится в ретирадник, бесшумно обезвредил его (бойца, конечно же, не туалет), а затем ворвался в дом с револьвером наизготовку. Внезапность была полнейшей. Бодрствующий эсер получил удар промеж глаз, а вско-

чивший было третий революционер присмирел, увидев наставленный на него ствол пистолета. За сей подвиг Сидорова наградили медалью «За храбрость» с профилем государя, и незначительной, но приятной, денежной премией.

Так вот – азартный испуг, испытанный Александром Петровичем в ночь отчаянной вылазки, ни шел ни в какое сравнение с ужасом, который вселила в урядника вежливая улыбка старушки, материализовавшейся за его левым плечом⁵. Фальк, давно привыкший к странным явлениям Клотильды Генриховны, знал, что данный оскал сама кухарка считает «ласковым» и «заботливо-материнским».

– Благодарю, драгоценная, не стоит. Александр Петрович уже уходит, – избавил урядника от необходимости говорить Василий Оттович. Клотильда Генриховна церемонно склонила голову и исчезла в дачном доме.

– Да, пожалуй, мне пора, – смахнул со лба выступивший холодный пот Сидоров.

На этом Василий Оттович счел свой долг перед силами правопорядка выполненным и понадеялся, что история Шевалдиной его не побеспокоит. И вот теперь, глядя на доброжелательную, но хищную улыбку Неверова, Фальк понял – нет. Побеспокоит. И еще не раз. Но отчаянную попытку закрыть тему все же предпринял:

– Пустое, мое участие в осмотре было исключительно но-

⁵ Православный люд, как известно, полагал, что за левым плечом человека стоит дьявол. Но это так, к слову.

минальным.

– Настолько номинальным, что вы обнаружили следы велосипеда и верно определили метод убийства? Не думаю, друг мой, не думаю... – хитро прищурился Павел Сергеевич. – Но все же, до чего мы докатились? Убийство в Зеленом луге!

– Ну, рано или поздно это должно было произойти, – философски заметил Фальк. – В Териоках, чуть меньше года назад, например...⁶

– Оставьте черносотенцев, Василий Оттович, – отмахнулся Неверов. – Лучше предположите, кто шалит у нас? Подумать только, неделю назад все судачили только об ограблении, а теперь...

– О каком, простите, ограблении? – уточнил Василий Оттович.

– Ах, точно, вы же еще не приехали тогда, – Павел Сергеевич хлопнул себя по лбу. – Представьте себе – неизвестные мазурики дождались, пока Макшаровы и Соболевы перевезли вещи из города на дачу, но при этом сами еще не приехали, и наведались к ним ночью. Судя по всему, они точно знали, где что лежит и куда идти, потому что они почти ничего не сломали. И, как будто этого мало, теперь еще и душегуб объявился!

⁶ 18 июля 1906 г. в Териоках (ныне Зеленогорск под Петербургом) сторонниками «Союза русского народа» (черносотенцами) был убит Михаил Яковлевич Герценштейн, бывший депутат Государственной думы.

– А отчего вас это так волнует?

– Я сомневаюсь, что Шевалдина заинтересовала заезжих революционеров, а для случайного убийства с целью ограбления вышел слишком уж интересный способ, – Павел Сергеевич с благодарностью принял предложенную сигару, затянулся и выпустил в голубое небо колечко дыма. – Значит, генеральшу убил один из наших с вами соседей.

– Что, даже он? – Фальк указал взглядом на проходящего мимо Эдуарда Сигизмундовича Шиманского – известного дачного бонвивана, в котором души не чаяли дамы бальзаковского возраста. Поляк восторги принимал учтиво, и регулярно дарил увядающим дачницам ответное внимание. Не из доброты душевной, конечно, а за вполне определенные материальные блага. За что быстро стал нерукопожатным в приличном мужском обществе Зеленого луга.

– Да пусть бы и Эдуард Сигизмундович. Поверьте бывалому служителю Фемиды, внутри этого бесталанного последователя Казановы тоже дремлет жестокая шляхетская жилка, готовая затмить ему глаза. При определенных обстоятельствах, конечно.

– Это ваша бывшая профессия заставляет подозревать всех и вся? – иронично уточнил доктор.

– Отнюдь, банальная предосторожность – не хочется, чтобы ко мне в гости заявился монах с морфийным шприцом. С другой стороны, Вера Павловна успела стольким наступить на большую мозоль, что дачная общественность может

объявить сбор средств на памятник ее убийце, – он посмотрел куда-то за спину Фальку и фыркнул: – Хотя сейчас мы будем лицеизреть единственного человека, который будет по ней неподдельно горевать.

Василий Оттович оглянулся и еле подавил желание раздраженно застонать. К ним направлялся предводитель зеленолужского общества благоустройства Евлампий Аристархович Кунин. Помидорной красноты лицо ярким сигналом горело на фоне совершенно седых волос с бородой, и белого курортного френча. Кунин среди обитателей Зеленого луга считался злом необходимым, но от этого не менее раздражающим. Неумная активность Евлампия Аристарховича позволяла поддерживать дачный поселок в идеальном порядке, однако фонтанирующий безумными идеями и утомительными придирадками председатель общества благоустройства был способен испортить отдых любому жителю, попавшемуся на пути. И в данный момент Кунин направлялся именно к ним.

– Други мои! – издалека воскликнул Евлампий Аристархович. – Слышали уже страшную вестъ?

Он подбежал вплотную к плетеным креслам и остановился, судорожно пытаясь отдышаться. Глядя на красную физиономию председателя Фальк задумчиво освежил в памяти правила оказания первой помощи жертвам апоплексического удара.

– Нет, Евлампий Аристархович, что же стряслось, не томите?! – убедительно изобразил изумление Неверов.

– Веру Павловну Шевалдину убили! И наш Василий Оттович засвидетельствовал ее смерть!

– А вам-то, простите, откуда это известно? – оставалось лишь беспомощно поинтересоваться Фальку.

– Вас видели ее соседи! Вас – и урядника Сидорова! Василий Оттович, не томите! Это правда дело рук жидов?!

Фальк откинулся на спинку кресла, утомленно потер лоб и простонал:

– А они-то здесь при чем?

– Как «при чем»? Люди шепчутся, что произошло какое-то неслыханное злодейство! Веру Павловну действительно принесли в жертву? – от переизбытка чувств председатель всплеснул пухленькими ручками.

– Кому? Зачем? – с трудом удержавшись от нервного смешка спросил Василий Оттович.

– Как «кому»? Этим их языческим суевериям! Им же нужна кровь православных, чтобы мацу в Пейсах приготовить!

– Евлампий Аристархович, во-первых, даже если верить в эти страшные глупости, им нужна кровь младенцев или детей, а Вера Павловна из этого возраста уже вышла довольно давно. И во-вторых – какой, к черту, Пейсах?! Я не специалист в иудейских традициях, но, по-моему, его, как и Пасху, празднуют в апреле.

Василий Оттович обернулся к Неверову, ища у того поддержки, но отставной товарищ прокурора, похоже, получал

удовольствие от мучений доктора. «Не буду с ним больше хорошими сигарами делиться», пообещал себе Фальк.

– Мне бы вашу уверенность, Василий Оттович, но чую, дело нечисто! – зловеще объявил Кунин. – Я намереваюсь организовать народный дозор. Если в Зеленем луге действует секта...

– И кого вы туда определите? – вспыхнул доктор. – Адвоката Аронсона? Аптекаря Шварцмана?

– Точно, об адвокате я и забыл совсем! – хлопнул себя по лбу Кунин и прежде, чем у Василия Оттовича появился шанс донести до него смысл сарказма, заторопился прочь, крикнув через плечо: – Господа, я рассчитываю на вас! Вы в списках дозорных! О времени и месте сбора сообщу дополнительно!

– Только погромов нам и не хватало, – бессильно откинулся на спинку кресла Фальк.

– Не беспокойтесь, до этого не дойдет, – сохранил спокойствие Неверов. – Но вернемся к более насущным проблемам. Вы правда видели у дома Шевалдиной следы велосипеда?

– Со зрением у меня проблем не наблюдалось.

– Так-так-так, – потер руки Неверов. – В таком случае Петра Андреевича Платонова ждет серьезный разговор с полицией...

– Почему это? Он что, единственный спортсмен на весь Зеленый луг?

– Нет, но единственный, имевший конфликт с Верой Пав-

ловной. При свидетелях осмелюсь добавить.

– Не думаю, что это обстоятельство сочтут обличающей уликой на суде, – покачал головой Фальк.

– Но совпадение интригующее, не находите? – прищурился бывший товарищ прокурора. – Очевидно Вера Павловна намекнула на определенный секрет, которым господин Платонов не готов делиться с окружающими. Зная интересы Шевалдиной, готов побиться об заклад, что она разнюхала не слишком разборчивые связи сего любителя облегающих спортивных костюмов...

– Павел Сергеевич, простите мне мою резкость, но вы сейчас звучите, как старая сплетница, – оборвал его Фальк. – Пожалуй, мне пора.

– Как знаете, Василий Оттович, как знаете, – улыбнулся Неверов. – Но с вашей наблюдательностью и аналитическим умом я бы не прятал голову в песок, словно одна африканская птица. Благодарю за сигару, кстати!

Фальк ограничился вежливым кивком и отправился переодеваться. Попытка отвлечься от мрачных мыслей у моря оказалась неудачной. Очередная бездарная активность Кунина и кровожадный интерес Неверова претили Василию Оттовичу. Однако он отдавал себе отчет, что джинна выпустили из бутылки – раз столь видные члены дачного общества прознали об обстоятельствах смерти Веры Павловны, то скоро об убийстве начнет судачить весь Зеленый луг. В этой связи доктора Фалька все больше увлекала идея закрыться

дома с припасенными книгами и не появляться на людях как минимум неделю. Судьба, как вы понимаете, распорядилась иначе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Газеты, в свою очередь, указывали на то, что при раздельных пляжах повсеместно процветал вуайеризм, и полицейские постоянно извлекали из кустарников за дюнами гимназистов и других «любопытствующих», подглядывающих в бинокли за купанием дам»

А. Браво, Е. Травина «Зеленогорск. Терийоки. Дачная жизнь сто лет назад»

Дабы не возвращаться домой в мрачном настроении, Василий Оттович решил устроить себе небольшой променад и отправиться кружным путем. Если уж собрался обречь себя на заточение, то по дороге можно и безлюдной природой насладиться, и в колониальную лавку у станции зайти за кофе, и в кондитерской что-нибудь вкусное найти. А потом – дальше собственной террасы ни ногой!

Выбранный Фальком маршрут предполагал описание большого полукруга – сначала по тропинке вдоль Серебряного ручья, оттуда вывернуть к кирхе (в Зеленом луге было две церкви, православная и лютеранская – сказывалась близость Финляндии), заглянуть в курзал, потом подняться к лавкам у станции, и затем можно с чистой совестью вернуться домой к ужину. Педантичный Василий Оттович вообще любил строить планы, но еще больше любил их придержи-

ваться. Это вносило в его жизнь столь необходимый элемент спокойствия и предсказуемости. Поэтому он рассчитывал, что эдакая дачная одиссея поможет ему отогнать дурацкие мысли.

И поначалу все складывалось очень даже неплохо. Окрестности Серебряного ручья оставались пока местностью немногочисленной – дачное строительство сюда не еще не добралось. Вдоль леса и чистой речушки бежала тропинка, успевшая даже подсохнуть за день после ночного дождя. В листве безмятежно пели птицы. Погода установилась идеальная – по-летнему теплая, но прохладная в лесной тени. Спустя пять минут Василий Оттович выкинул из головы все мысли, связанные с убийством. Спустя десять – все мысли вообще. Он просто наслаждался неторопливой безмятежной прогулкой.

А потом Фальку встретились на пути две мужские ноги в легкомысленных коричневых туфлях, торчащие из придорожных кустов.

Василий Оттович остановился и недовольно нахмурился. Нахождение мужских ног на дороге в его планы на день однозначно не входило. Аналитическая же часть его ума уже взялась за работу: подошвы наружу, пятками вверх – значит, лежит на животе. Состояние – неизвестно. Но после ночных событий в голову настойчиво лезли самые худшие прогнозы. Хотя, конечно, два покойника за 24 часа – это однозначный перебор. Фальк даже зажмурился и потер глаза, неуверен-

ный в своем психическом здоровье. Не помогло. После сих нехитрых процедур ноги остались на месте.

Более того – одна из них пошевелилась и даже почесала вторую.

Это Василий Оттовича несколько успокоило. Он медленно, стараясь не шуметь, подошел к ногам и постарался разглядеть их обладателя. Им оказался довольно неказистого вида юноша, на первый взгляд – гимназист старших классов. Остановившегося за спиной Фалька он не заметил, настолько был заморожен открывшимся видом. Доктор решил посмотреть, что же так завладело вниманием молодого человека.

На поросшем сочной зеленой травой берегу Серебряного ручья лежал клетчатый плед, а на нем – дамская соломенная шляпка и простенькая самодельная удочка. Их хозяйка в легкомысленном белом летнем платье как раз аккуратно вступила в речную воду, подобрав подол, и зябко поежилась. Зачем ее потянуло купаться в еще не прогревшемся ручье Фальк не знал и не собирался уточнять, но и оставлять юного зрителя в кустах счел недостойным. Поэтому доктор просто легонько пнул ближайшую к нему ногу.

Юноша вздрогнул, вскочил и уставился на своего обидчика со смесью страха и раздражения. Но эту битву выиграть ему было не суждено, ибо Василий Оттович обладал крайне выразительным лицом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.